

Добрыня и Огненный цветок

Ягатерина Петрова

Екатерина Петрова

Добрыня и Огненный цветок

<https://litres.ru/74613257>

SelfPub; 2026

Аннотация

Если ты думаешь, что сказка, это про Ивана-царевича и серого волка, ты ещё не знаешь, что живёт в русской печи. Добрыне восемь лет, он собирает одуваны у деда и лазает в домик на дубе, пока однажды утром в окно чердака не влетает сокол и не оставляет берестяной свиток с огненной печатью. Так начинаются восемь лет учёбы, четыре сути и путь, через русскую печь. Это первая книга из восьми. Здесь нет западной магии, есть чародейство: слово, дело, жест. У Добрыни огненная суть, он вспыхивает быстрее, чем думает, и однажды может сжечь то, что дороже всего. Его первый год проходит на сути Земли, где он учится терпению и внимательности к друзьям. Это книга о восьмерых детях, чьи сути спорят, но вместе они образуют круг. О наставниках, которые живут так, что хочется подражать. О Коляде, Масленице и Купале, которые не описаны, а прожиты. И о том, как мальчик с огнём внутри учится не сжигать, а греть. Здесь не рассказывают о традиции, здесь передают огонь.

Содержание

Глава 1 Обычный майский день у деда	5
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Екатерина Петрова Добрыня и Огненный цветок

Глава 1 Обычный майский день у деда

Май в этом году выдался тёплый, но не жаркий, такой, какой и нужен, чтобы всё росло, наливалось силой, чтобы земля дышала, травы набирали сок. Черёмуха уже отцвела, осыпалась белым снегом на тропинку, а сирень ещё держалась, её тяжёлые гроздья пахли сладко, густо, особенно к вечеру. Одуваны желтели повсюду: вдоль забора, у крыльца, на солнечном пригорке у старого дуба, и казалось, будто кто-то рассыпал по траве маленькие солнышки. Крапива только-только набирала силу, ещё не жгучая, а мягкая, сочная, самая пора для щей. Мать-и-мачеха уже отходила, отдавая место другим травам, тем, что пойдут в рост после первых по-настоящему тёплых дней. В частном секторе, на окраине городка, где жили дед с бабушкой, стояла тишина, та особенная, майская, когда даже собаки лают лениво, только где-то далеко, за перелеском, время от времени гудела электричка.

Добрыня просыпался медленно, неохотно. Ему снился терем чудесной красоты: высокий, с резными наличниками, башенками, что уходили в самое небо. Терем стоял среди дремучего леса, где ели и сосны обступали со всех сторон, а между стволами стлался туман, пахнувший хвоей и чем-то древним. Было в этом лесу и в этом тереме что-то такое, от чего совершенно не хотелось просыпаться. Но сон уже уходил, будто говорил: «Я никуда не денусь. Я приду к тебе снова. Но чтобы мне присниться снова, тебе нужно прожить этот день».

Бабушка Мила уже хлопотала на кухне, пахло блинами и топлёным молоком. Дед Велимир сидел на крыльце, грел кости на солнышке, что-то строгал. Добрыня наскоро позавтракал, выслушал бабушкино наставление не лазать где не надо и выскочил во двор.

Утро было ясное, роса ещё блестела на траве. Одуваны желтели вдоль забора целым морем. Добрыня вспомнил, как бабушка говорила, что хорошо бы набрать головок для мёда и масла на зиму. Он сбегал за корзинкой, сплетённой дедом из ивовых прутьев, принялся собирать. Солнце пригревало плечи, одуваны пахли горьковато и свежо. «Будет, будет середь зимы много солнышка у нас...», бормотал он себе под нос.

Среди одуванов он заметил синенькие цветочки, веронику дубравную, бабушка звала её просто дубровка. Она росла кучкой, будто пряталась от солнца. Добрыня принялся собирать и её, аккуратно, по одному стебельку. «Чтобы не болело ничего, чтобы кашель проходил быстрее», приговаривал он мысленно.

Присев на корточки, он залюбовался. Жёлтое и синее. Одуваны и дубровка. Корзинка была полна, а на душе так хорошо, что он подумал: вот бы каждый день так, всю жизнь. Потом отнёс корзинку бабушке. Та похвалила: «Молодец, потрудился. Иди поиграй». Добрик пошёл. Сегодня был его последний день тишины. Завтра приедут родители, привезут Артура и близнецов, Вольгу с Микулой, дом наполнится шу-

мом, криками, беготнёй. А пока можно залезть в домик на дереве и сидеть там, считая облака.

Этот домик дед построил для него на старом тройном дубе, что рос в углу двора, могучий, в три ствола. Добрыня любил его больше всех мест на свете. Он забрался по верёвочной лестнице, уселся на старое одеяло, смотрел на улицу сквозь щели в досках. Внизу бабушка возилась на огороде, дед что-то мастерил у сарая. А здесь, наверху, было его царство.

Он достал коробку с сокровищами: старый фонарик, гнутый гвоздь, перо неизвестной птицы, стеклянный шарик. Перебрал, разложил по местам. Мысли потекли сами собой. У всех Ладунцов имена были разные. Артур, Виолетта, Максим, Алина, Марк, Алиса, красиво, как в телевизоре. А он Добрыня. Это бабушка Мила когда-то сказала: «Назовите Добрыней. Хватит уже всяких странных имён». Он носил это имя, как старинную, любимую рубашку, вроде и не модную, а свою, родную.

Когда солнце перевалило за полдень, дед подозвал его: «Помоги-ка, внучек». Дед строгал заготовку, Добрыня подержал доску, подал рубанок. Стружка летела, пахла деревом. Потом дед отложил инструмент, сказал, глядя куда-то вдаль: «Вот так мы и в детстве. Ложки резали, глину мяли, за лошадьми ходили. Лагерь у нас был такой. Хороший был лагерь». Добрыня наострил уши. Дед редко рассказывал про своё детство, а если и рассказывал, то будто про сказку. «А

чему ещё учили?» «Многому, — дед усмехнулся. — И травы знать, и небо читать, и с лесом дружить». «А сейчас такой лагерь есть?» «Может, и есть, — дед посмотрел на него долгим взглядом. — Может, и тебе когда доведётся». Бабушка позвала обедать, разговор оборвался. Ели втроём, говорили о том, кто завтра приедет, Добрыня слушал вполуха, а сам всё думал о дедовых словах.

Вечером он снова залез в домик. Солнце садилось, красило небо в оранжевый и розовый. Одуваны закрылись на ночь, двор стал тихим, сумеречным. Добрыня сидел, смотрел, как гаснет день, и думал: завтра всё изменится, надо запомнить этот вечер.

А потом, уже в постели, он погружался в сон. Те места, что снились ему каждую ночь с тех пор, как он приехал, снова позвали его. Ели, сосны, огромные папоротники. Между стволами стлался туман. Пробегал золоторогий олень, мелькнула белка с серебряной шёрсткой. На поляне собрались они, те, кого увидишь не каждый сон. Птица Сирий сидела на ветке старого дуба, слушала. Рядом огромный пушистый кот с глазами, что светились в темноте. А говорила сама Яга, не страшная, не костяная, скорее как очень старая бабушка, что видала всё на свете. Она рассказывала историю о детях, обыкновенных и необыкновенных, о тех, кто слышал зов и откликался, и о тех, кто затыкал уши, бежал прочь. Добрыня слушал, не мог оторваться. А высоко над лесом летел сокол. Он летел не спеша, рассекая крыльями туман, при

нѐм был свиток, берестяной, перевязанный простой нитью. Куда он летел и от кого, Добрыня не знал. Но смотрел на него из своего сна, и почему-то было радостно и тревожно разом.

ГЛАВА 2. СВИТОК

Добрыня проснулся затемно. За окном только-только за-

нималась заря, небо из чёрного становилось серым, потом голубым, а на востоке уже затеплилась розовая полоска, тонкая, как бабушкин пояс. Сон ещё держал его, тёплый, густой, но уже не тянул обратно. Он будто сделал своё дело и отступил, оставив после себя тихое послевкусие. «Вот, — будто говорил сон, — ты видел. Ты знаешь. Теперь оно никуда не денется. Но для этого мало просто спать и видеть. Для этого надо встать и начать действовать. Кто рано встаёт, тому птичка поёт». Голос был низкий, спокойный, глубокий, не дедов, не отцов, а какой-то совсем незнакомый, но оттого не менее родной. Добрыня сел на кровати, потряс головой. Приснится же такое.

Он спал на чердаке. Старая железная кровать, бабушкино лоскутное одеяло, пучки сушёных трав под потолком: мята, зверобой, душица. Чердак был его личным царством, по крайней мере пока не приехали остальные. Послевкусие сна ещё держалось, как от бабушкиного травяного отвара с мёдом: выпил, а тепло внутри всё разливается и разливается. Сокол ещё стоял перед глазами, летел, рассекая крыльями туман, при нём был свиток.

И тут он услышал шум сильных крыльев. А вместе с ним долгий, свистящий крик, пронзительный, чистый. В открытое окно чердака влетел сокол. Огромный, неестественно крупный, такого Добрыня не видел ни в одной книжке. Тёмное оперение, светлая грудь, загнутый клюв. Жёлтые глаза, пристальные, немигающие. Он сделал круг под потолком,

прямо на лету бросил Добрыне в руки берестяной свиток, перевязанный ленточкой. Добрыня поймал его, ещё ничего не понимая, замер. А сокол опустился на подоконник. Посидел, глядя на мальчика долгим, изучающим взглядом. Переступил лапами, будто проверяя, всё ли тот понял. А потом расправил крылья, огромные, шумные, без единого звука ушёл в небо. Только ветер качнул занавеску.

Добрыня вскочил с кровати, подбежал к окну. Утренний воздух пахнул в лицо, сырой, прохладный, с горьковатым запахом одуванов и сладким сирени. Он посмотрел на свиток в своих руках. Тот был тёплым, живым. Свиток был перевязан тонкой льняной ленточкой, а на ней держалась восковая печать, яркая, золотая. На этой печати горел, будто светился изнутри, красный знак, красивый, как лепесток цветка, как язычок пламени. Что-то внутри ёкнуло, отозвалось: это ему. Только ему.

Он развязал ленточку, развернул бересту. Буквы казались чуть живыми, они не плыли, но дышали, будто впитывали утренний свет.

«Здравствуй, Добрик!

Ты открыл свиток. Это значит, ты готов узнать то, о чём пока не знает никто, кроме тебя.

Ты можешь остаться дома, и тогда никто никогда не должен узнать об этом письме. А можешь передать его родителям, только им и больше никому. Если ты решишься, они прочитают и всё поймут.

Так ты можешь встать на свой путь. Тот, что ближе твоей душе».

Добрыня перечитал ещё раз, потом ещё. Сердце колотилось где-то в горле. Он понял главное: надо показать родителям, только им. Он свернул свиток обратно, спрятал под подушку. Снизу уже слышались бабушкины шаги, мягкие, шаркающие. Скоро завтрак, сегодня приедут родители. Он оделся, спустился, вышел к столу. Ел молча, больше слушал, чем говорил. Бабушка хлопотала, что-то рассказывала про пироги с капустой, про то, что крапивы бы ещё нарвать, пока молодая. Дед сидел напротив, пил чай, поглядывал на Добрыню молча, но внимательно.

— Ты какой-то сам не свой, — сказал он наконец.

— Всё в порядке, дедушка. Просто сон приснился хороший, никак не отпускает.

Дед кивнул, взгляд у него был долгий, изучающий, но ничего больше он не сказал. Только погладил внука по голове, вышел на крыльцо.

День тянулся бесконечно. Добрыня помогал то бабушке, то деду, а мысли его были далеко. Он то и дело поднимался к себе, засовывал руку под подушку: тут ли свиток? На месте. Добрыня развернул бересту, увидел красный знак, красивый, как лепесток цветка, как язычок пламени, долго смотрел на него, не в силах оторваться. Огонь. Красивое пламя. Смотреть на него хотелось ещё и ещё.

После обеда послышался шум мотора. Добрыня выскочил

на крыльцо. От калитки уже шли: отец с сумками в обеих руках, мать с уже заметно округлившимся животиком, усталая, но улыбающаяся, за ними Артур с коробкой, в которой что-то позвякивало, а следом, обгоняя друг друга, неслись Вольга и Микула.

— Добрик! — заорали они хором. — Смотри, что у нас!

И началась суeta. Объятия, крики, разбор вещей, споры, кому где спать. Близнецы носились по двору, как два вихря, Артур деловито полез со своими железками на чердак, мать ушла к бабушке на кухню, отец к деду во двор.

Добрыня ждал. Ждал, когда схлынет первый поток, когда все разойдутся по своим делам. И как только выдался первый же свободный миг, близнецы убежали на речку под присмотром Артура, Добрыня понял: пора. Он поднялся на чердак, проверил свиток, спустился вниз.

— Пап, — сказал он, подойдя к отцу. — Пойдём со мной. На чердак. Это важно.

Отец поднял голову. Посмотрел на Добрыню, на серьёзное лицо, на руки, чуть дрожащие от волнения. Ничего не спросил. Кивнул, пошёл следом.

На чердаке, среди пучков сушёных трав и запаха старого дерева, Добрыня достал из-под подушки свиток.

— Сокол принёс. Утром. Залетел в окно и бросил мне в руки.

Отец взял свиток. Повертел. Потрогал золотую печать с красным огоньком. Вгляделся. И вдруг вздохнул, как-то

странно, будто узнал что-то давно забытое.

— Я видел такой. Давно. Очень давно. Мне тоже приносили. Только я... я не показал. Никому. Даже деду.

Добрыня уставился на него.

— И что было?

— Ничего. Текст исчез. Я струсил. А ты нет.

Он развязал ленточку, развернул бересту. В тот же миг короткий текст, который читал Добрыня, исчез, будто его и не было. А на его месте проступили другие строки, длинные, витиеватые. Отец пробежал начало глазами, брови его поднялись.

— Это надо с мамой. И с дедом. Пошли вниз.

Они спустились. Мать перебирала крупу на кухне. Отец подошёл к ней, тронул за плечо.

— Рада, отряхни руки. Нам надо в комнату. Разговор есть.

Мать подняла глаза, увидела свиток в его руках, увидела лицо Добрыни, молча вытерла руки о фартук, пошла за ними. В комнате отец развернул бересту и начал читать вслух.

«Да будут дни ваши долгими и ночи покойными, славные Ярослав и Рада.

Сын ваш Добрыня уже ступил на путь, в тот миг, как открыл свиток сей и набрался духу передать его вам. А сие, други мои, немало значит. Не всякое дитя решится показать родителям то, что сокол принёс. Стало быть, готов он услышать зов и пойти за ним в дали неведомые.

Я, Великий Волхв Велизар, Хранитель Училища Чародей-

ства, буду счастлив видеть дитя ваше в стенах наших. Срок обучения восемь лет. Первый год проведёт он на Сути Земли: там станет учиться у тех, кто с деревом работает, с глиною, с корнями трав.

Занятия начнутся первого сентября.

Перед восходом надлежит Добрыне войти в русскую печь, так мы примем его и проводим.

Зрю я в нём способность к развитию того, что от рождения заложено. То сокровенное покуда спит, но уже подаёт голос.

Решение за вами. Вольны вы отказаться али взять время на раздумье. Никто не станет торопить вас, никто не осудит. Но помните: первый шаг ваш сын уже сделал. Свиток открыл, вам показал, а это о многом говорит.

Коли будет согласие ваше, то ничего особого делать не потребно. Первого сентября, пред восходом, войдёт Добрыня в печь, а всё прочее мы на себя берём.

Позаботьтесь токмо о том, что для обучения чародейству надобно, да об одежде обычной для жизни в Училище. Список потребного пришлём в первую неделю августа.

С уважением,

Великий Волхв Велизар,

Хранитель Училища Чародейства».

Отец замолчал. Мать сидела, прижав ладонь к губам. Добрыня переводил взгляд с одного на другого. В свитке, который он читал утром, не было и половины слов. Текст стал другим. Настоящим.

— Позови деда, — сказал отец.

Добрыня сбегал за дедом. Велимир вошёл, сел на табурет. Отец протянул ему свиток. Дед не стал читать. Он взял бересту, долго разглядывал восковую печать, золотую, с красным огоньком. Улыбнулся. Кивнул. И сказал:

— Ну, стало быть, дождались.

Все посмотрели на него.

— Ты знал? — спросил отец.

— Знал, не знал. Догадывался. Я же тебе рассказывал про лагерь. Только не лагерь это был, сынок. Это Училище. То самое.

Мать перевела взгляд с деда на отца, с отца на Добрыню.

— Так ты... ты там учился?

— Учился, — дед кивнул. — Давно. Очень давно. Я всё думал: кому из вас передастся? Артуру? Нет, он технарь, весь в проводах. А тут Добрик.

Отец вдруг кашлянул.

— Мне тоже приносили. В детстве. Такой же свиток. Сокол приносил. Только я... не показал. Никому. Даже тебе.

Дед посмотрел на него долгим взглядом.

— Знаю. Я ждал. Но ты не показал. Текст исчез. Так бывает. Значит, не готов был. А Добрик готов.

Он повернулся к внуку.

— Что скажешь, внук?

Добрыня набрал в грудь побольше воздуха. Ответ у него был готов, горячий, как пламя на печати.

— Да! — выпалил он. — Я хочу! Я пойду! Я полезу в печку!

Мать всхлипнула, не то от печали, не то от смеха. Отец поднял голову, посмотрел на жену.

— Рада?

Она подняла на него глаза, мокрые, но весёлые.

— Ярослав? Ты посмотри на него. Он же уже всё решил. Куда мне против троих мужиков? Ты, дед и вот этот... будущий чародей. Который в печку полезет.

Отец фыркнул. Дед усмехнулся. Напряжение, что висело в воздухе, вдруг лопнуло, стало легко, тепло, как бывает только в такой семье, где даже самые великие решения принимаются с шуткой и любовью.

— Значит, решено, — сказал отец. — Первого сентября. Через печь.

Дед поднялся, подошёл к Добрыне, положил ему руку на плечо, тяжёлую, тёплую, как сама земля.

— Тогда готовься, внук. Лето у тебя будет долгое. А потом начнётся такое, чего ты даже во сне не видел.

Добрыня посмотрел на него и улыбнулся.

— Во сне я уже видел. Теперь хочу наяву.

Мать снова всхлипнула, но уже смеясь. Отец обнял её за плечи. Дед потрепал Добрыню по голове. С улицы уже доносились крики близнецов, они возвращались с речки, мокрые, довольные. Тут с кухни донёсся бабушкин голос: «Ладунцы! Ужинать!» Все пошли к столу.

А стол был уже накрыт, не просто ужин, а целое сооружение. Посреди стола возвышался начищенный до блеска самовар, он уже начинал закипать, тоненько, певуче. Дымилась картошка, присыпанная зелёным укропом. Пироги с капустой лежали горкой, румяные, пышущие жаром, рядом с ними пироги с яйцом и луком. В глиняной миске поблёскивало янтарное варенье, прошлогоднее, абрикосовое. Рядом стоял кувшин с парным молоком, поверх которого лежал толстый слой жирных сливок. Солёные огурцы, хрустящие, пахнущие чесноком и укропом. В уголке стола, на вышитой салфетке, красовался бабушкин фирменный творожник с изюмом, высокий, пышный, с золотистой корочкой.

Бабушка Мила стояла у стола, уперев руки в бока.

— Ну, — сказала она, — будете ужинать или как?

Все стали рассаживаться. Артур первым потянулся за пирогом будто забыв, но бабушка аккуратно и твёрдо шмякнула его по руке.

— Дедово слово прежде. Не в хлеву.

Артур отдёргнул руку, вздохнул, спорить не стал. Все расселись. Дед обвёл стол взглядом, положил ладони на скатерть, сказал негромко, но так, что все затихли:

— Благословен будь сей дом и все, кто в нём. И те, кто за столом, и те, кто в пути. Хлеб да соль, мир да лад.

— Хлеб да соль, мир да лад, — отозвались все нестройно, но дружно.

Только после этого потянулись к еде. Близнецы тут же за-

спорили, кому достанется горбушка. Артур, уже наученный, взял пирог, когда бабушка кивнула. Мать, всё ещё улыбающаяся, наливала чай. Дед отрезал краюху хлеба. Добрыня смотрел на них, на всех сразу, на свою семью, и думал, что этот вечер он запомнит навсегда. Потому что впереди было лето. Потом печь. Потом такое, чего он даже во сне не видел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.